

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ХАЙРУЛЛИНА против РОССИИ»

(Жалоба № 29729/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

19 декабря 2017 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

19 марта 2018 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Хайруллина против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Палатой в составе:
Хелена Йедерблом, *Председатель*,
Бранко Любарда,
Луис Лопес Герра,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Георгиос А. Сергидес,
Йолиен Схеккинг, *судьи*,
и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,
проведя закрытое заседание 28 ноября 2017 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 29729/09) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданки Российской Федерации Фании Ливгатовны Хайруллиной (далее — «заявительница») 20 мая 2009 года.

2. Интересы заявительницы в Суде представлял П. Чиков, адвокат, практикующий в г. Казани. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник М. Гальперин.

3. Заявительница утверждала, в частности, что ее покойный супруг был незаконно лишен свободы, подвергся жестокому обращению и скончался при подозрительных обстоятельствах, подразумевающих ответственность Властей согласно Конвенции.

4. 30 августа 2010 года данная жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница, 1957 года рождения, проживает в г. Новый, Республика Татарстан, Россия.

А. Смерть мужа заявительницы во время содержания под стражей в полицейском участке

1. Связанные события

6. Внутригосударственные органы власти возбудили уголовное дело по факту убийства Г., совершенного 7 сентября 2002 года. Муж заявительницы, Жавдет Хайруллин, в ходе расследования был определен в качестве возможного свидетеля. Некий В. являлся подозреваемым.

7. 13 сентября 2002 года мужа заявительницы доставили в Тукаевское отделение милиции. Точное время указанного события, другие обстоятельства и юридические основания и причины его заключения под стражу являлись предметом споров на внутригосударственном уровне (см., в частности, пункты 8 и 23 ниже).

8. Из копии журнала полиции, представленной заявительницей, следует, что ее муж был доставлен в отделение полиции офицерами Аг. и На. приблизительно в 13:00 согласно журналу, с целью проверки его личности; такая проверка была проведена, и он был освобожден в 13:30. Также из материалов дела следует, что в период с 16:15 по 16:45 муж заявительницы находился в кабинете, предположительно на пятом этаже, где был допрошен следователем Р. Согласно материалам дела, муж заявительницы в ходе допроса указал, что он и В. покинули дом потерпевшего Г. после совместного распития водки. После допроса, по неустановленным причинам, муж заявительницы снова был допрошен, на этот раз оперуполномоченным Х., и дал письменные показания, подтверждающие, что В. ударил Г. в ходе ссоры. По-видимому, муж заявительницы должен был явиться на другой допрос 14 сентября 2002 года.

9. В тот же день, 13 сентября 2002 года, В. был доставлен в отделение полиции и дал признательные показания в совершении убийства. По словам заявительницы, В. слышал крик мужа заявительницы (предположительно от боли) в соседней комнате вечером 13 сентября 2002 года (тем не менее см. исправленные показания В., которые были даны им в 2010 году, п. 38 ниже).

10. По словам заявительницы, В. был избит и подвергался жестокому обращению в отделении полиции, в частности, посредством удушения с помощью противогаза.

11. По словам властей, муж заявительницы покинул кабинет Х. в 20:00 и попытался совершить самоубийство на балконе на пятом этаже отделения полиции. В тот же вечер он был обнаружен без сознания и был доставлен в больницу.

2. Доследственная проверка

12. В неустановленную дату была начата доследственная проверка в отношении вышеупомянутых событий (см. также п. 16 ниже), по-видимому, в рамках расследования убийства Г. (см. п. 6 выше). По словам заявительницы, в ходе указанной доследственной проверки следственные действия осуществляли неустановленные сотрудники Тукаевского отделения полиции.

13. Офицер Х. в ходе доследственной проверки указал, что брал показания у мужа заявительницы и видел, как последний покинул его кабинет в 20:00. Вскоре после этого Х. ушел домой.

14. Га., заместитель начальника отделения полиции, сообщил, что услышал шум и увидел полицейских на балконе пятого этажа. Он пошел туда и увидел, как полицейские Ф., Ва. и Ха. оказывают медицинскую помощь человеку, находившемуся без сознания.

15. Также, как оказалось, Гар., еще один заместитель начальника отделения, провел внутреннюю проверку и заключил, что никто из должностных лиц не совершал правонарушения.

16. 21 сентября 2002 года, ссылаясь на длящееся расследование убийства Г. (см. п. 6 выше), помощник районного прокурора вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении полицейских по факту попытки самоубийства Хайруллина или подстрекательства его к самоубийству. Рассмотрев вышеупомянутые показания и ссылаясь на заключения, сделанные в результате внутренней проверки, помощник прокурора заключил, что уголовного преступления совершено не было.

17. Указанное постановление было отменено вышестоящим прокурором и для проведения следствия был назначен другой следователь.

18. 13 декабря 2002 года муж заявительницы скончался, предположительно, не приходя в сознание. В тот же день следователи назначили проведение судебно-медицинской экспертизы тела потерпевшего. От эксперта требовалось выяснить причины смерти, определить травмы и указать причину их происхождения, в частности, были ли они нанесены до смерти, были ли они связаны с последующей смертью, и были ли полученные травмы совместимы с жизнью.

19. В соответствии с протоколом результатов вскрытия от 17 января 2003 года, потерпевший скончался от асфиксии в результате удушья.

3. Расследование уголовного дела

20. 3 февраля 2003 года районный прокурор вынес постановление о возбуждении уголовного дела по факту преступления в соответствии с частью 3 статьи 286 Уголовного кодекса (совершение должностным

лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан, с причинением тяжких последствий). В своем распоряжении прокурор указал, *помимо прочего*, что «совершая действия, явно выходящие за пределы их полномочий, неустановленные полицейские незаконно поместили [потерпевшего] в кабинет для допросов». Уголовное дело было возбуждено в отношении неустановленных полицейских, и впоследствии было передано следователю Р.

21. Следователь допросил медицинского работника А., который указал, что по прибытии в отделение полиции он и его коллеги были доставлены в камеру; один из полицейских объяснил, что в ходе обычной проверки камер они не смогли открыть дверь одной из камер и обнаружили, что дверь заблокирована телом заключенного, находящегося без сознания, у которого вокруг шеи была обвязана куртка; на теле заключенного не имелось видимых травм, только на шее. Аналогичные показания дали медицинские работники Ж. и Ги. Врач-реаниматолог Б. указал, что у потерпевшего не имелось других видимых травм.

22. Следователь также допросил сына потерпевшего. Последнему поступил телефонный звонок от потерпевшего вечером 13 сентября 2002 года, в ходе которого его отец сообщил ему, что должен явиться на допрос и что его отпустят следующим утром. Когда он прибыл в отделение полиции на следующий день, ему сообщили, что его отец будет освобожден в течение дня.

23. Оперуполномоченные На. и Аг. сообщили следователю, что при проверке разрешений на хранение огнестрельного оружия их внимание привлек муж заявительницы, который выглядел подозрительно. Они забрали его в отделение полиции для проверки личности; после проверки указанному лицу было разрешено покинуть отделение полиции.

24. По словам полицейского Ф., потерпевший был обнаружен сидящим на полу, спиной к ограждению балкона, одна часть его куртки была обвязана вокруг шеи, другая часть была привязана к ограждению балкона.

25. 3 мая 2003 года следователь Р. вынес постановление о прекращении уголовного расследования ввиду отсутствия состава преступления, при этом отметив, что «неустановленные сотрудники отделения полиции явно превысили свои полномочия, поместив [потерпевшего] в кабинет для допросов». Перечислив обзоры различных показаний, упомянутых выше, следователь заключил, что потерпевший совершил попытку самоубийства.

26. 20 июня 2003 года районный прокурор распорядился о продолжении расследования с целью проверки инструкций в отношении помещения заключенных в указанные помещения или

камеры, с целью определения того, кто именно поместил потерпевшего в камеру или кабинет для допросов, и кто открыл двери. Также надлежало проверить противоречивые показания полицейских На. и Аг., с одной стороны, и других полицейских и родственников потерпевшего, с другой. Также надлежало проверить показания медицинских работников, в частности, в отношении места обнаружения потерпевшего.

27. Как усматривается из материалов дела, дело было передано другому следователю, И., который приостановил его 20 июля 2003 года. 22 июля 2003 года заместитель областного прокурора вынес распоряжение о продолжении расследования, и 23 июля 2003 г. действующий районный прокурор отменил приостановку и распорядился о продолжении расследования.

28. 23 августа 2003 года следователь Р. вынес постановление о прекращении расследования по уголовному делу по причинам, аналогичным указанным в решении от 3 мая 2003 года. 12 сентября 2003 года районный прокурор указал, что требования, указанные 22 июля 2003 года, не были соблюдены, и что расследование должно быть продолжено.

29. 12 октября 2003 года производство по уголовному делу было прекращено следователем И.

30. 10 ноября 2003 года заместитель областного прокурора отменил указанное постановление, заключив, что (i) имелась необходимость повторного допроса полицейского Ф. и более подробной оценки обстоятельств обнаружения тела потерпевшего указанным полицейским. В частности, было важно выяснить, увидел ли полицейский потерпевшего в состоянии удушья, в каком положении находилось тело, где была «петля» и кто снял ее, и (ii) было необходимо допросить В., который предположительно слышал крики потерпевшего, допросить близких родственников потерпевшего об обстоятельствах, при которых потерпевший был задержан и доставлен в отделение полиции, и в частности, допросить жену потерпевшего, которая предположительно заметила признаки кровотечения на запястьях потерпевшего, возникшие в результате применения наручников.

31. Новое постановление о прекращении расследования было вынесено следователем 10 декабря 2003 года.

32. Указанное постановление впоследствии было отменено и аналогичные постановления выносились и отменялись несколько раз. Например, 10 декабря 2008 года следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела, заключив, что муж заявительницы пытался совершить самоубийство.

33. В неустановленную дату следователь запросил мнение эксперта Ва., предоставившего заключение от 17 января 2003 года (см. п. 19

выше). Эксперт Ва. указал, что странгуляционная борозда на шее потерпевшего могла возникнуть в результате постепенного сдавливания такой тканевой курткой. Различные типы механической асфиксии, такие как повешение или асфиксия в закрытом пространстве (посредством надевания противогаза на голову лиц) приводит к одному и тому же патологическому процессу, возникающему от острой нехватки притока кислорода в кровь и ткани.

34. 28 января 2010 года следователь вынес постановление о закрытии уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления.

35. Заявитель ходатайствовала о судебном пересмотре постановления о прекращении дела. 10 июня 2010 года Тукаевский районный суд Республики Татарстан удовлетворил ее ходатайство. 10 июня 2010 года областной суд оставил данное постановление без изменений.

36. 25 августа 2010 года постановление от 28 января 2010 года было отменено, и следствие по делу возобновлено.

37. Новый отказ был получен 25 сентября 2010 года. Он был отменен 1 ноября 2010 года по причине того, что обстоятельства, при которых потерпевший был доставлен в отделение полиции, и возможные причины, приведшие к попытке самоубийства, не были выяснены.

38. 23 ноября 2010 года было вынесено последнее постановление о прекращении расследования, в котором указано следующее:

"13 сентября 2002 года Хайруллин был доставлен в отделение полиции для допроса в качестве свидетеля. В ходе допроса он указал, что он и В. пошли домой к Г., где употребляли водку, и затем ушли.

Затем Хайруллин был допрошен оперуполномоченным Х. и указал, что В. несколько раз ударил Г. по лицу и убежал. Хайруллин был обязан явиться на новый допрос и затем ушел из кабинета № 514...

Из заключения медицинского эксперта следует, что смерть Хайруллина была вызвана состоянием после удушения, обусловленного сдавливанием шеи какой-то петлей; это состояние было усугублено ударом, негативно влияющим на функции головного мозга. В медицинских документах не содержится указаний на телесные повреждения, имевшиеся у него на момент поступления в больницу.

Медицинские работники А., Ж. и Ги. в ходе допросов указали, что никаких телесных повреждений (за исключением едва заметной, прерывистой странгуляционной борозды на шее) не было обнаружено на теле потерпевшего, когда они посетили его в отделении полиции.

Полицейский Ф. в ходе допроса указал, что приблизительно в 23:00 13 сентября 2002 года он вышел на балкон на пятом этаже покурить и увидел потерпевшего, сидящего на полу, спиной к ограждению; его шея была обвязана курткой, при этом часть куртки была привязана к ограждению. Он отвязал куртку и начал оказывать потерпевшему первую медицинскую помощь. Он также оповестил дежурных офицеров отделения полиции и помог доставить

потерпевшего на первый этаж. Затем потерпевший был осмотрен врачом перед доставкой в больницу.

Было проведено следственное воспроизведение событий на основании вышеупомянутой информации. Медицинский эксперт Ва. был допрошен в связи с этим и подтвердил возможность повешения и возникновения странгуляционной борозды в обстоятельствах, описанных Ф.

Были допрошены полицейские, находившиеся в полицейском участке и разговаривавшие с потерпевшим 13 сентября 2002 года. Они указали, что... потерпевший был допрошен следователем; до этого допрос не проводился...

Согласно заключениям экспертов и показаниям Ва., данным на допросе, странгуляционная борозда могла быть нанесена давлением мягкой "петли", такой как, например, петля из куртки. Кроме того, в случае других типов механической асфиксии, включая повешение или асфиксию в ограниченном пространстве (посредством применения противогаза), возникает такой же патологический процесс, угрожающий жизни, который вызван острой нехваткой кислорода в крови и тканях...

Хайруллина указала, что около 20:00 13 сентября 2002 года муж позвонил ей и сообщил, что придет домой. Его голос был спокойным и веселым.

В. указал, что приблизительно в 20:00 он находился в одном из помещений на пятом этаже; он слышал, как в соседнем помещении потерпевший что-то говорил; не было криков или подозрительного шума...

С учетом вышесказанного, все возможные следственные действия были проведены...

Не имеется возможности проведения экспертизы образцов, собранных с балкона или куртки, так как [они] были утрачены...

В соответствии с дополнительным заключением медицинского эксперта, странгуляционная борозда нанесена посредством давления некоторой "петли" на шею; можно сказать о давлении с помощью мягкой "петли", например, сделанной из куртки, такой как была предоставлена эксперту; в обычных условиях противогаз по размеру головы не приводит к чрезмерному давлению на шею и не оставляет странгуляционной борозды...

В соответствии с дополнительным заключением эксперта от 13 сентября 2010 года, в отсутствие макроскопических признаков механического удушения, причина смерти не может быть определена, в частности, имела ли она место в результате асфиксии после повешения или блокирования притока воздуха посредством какого-либо объекта...

Также имеется четыре заключения судебно-медицинской экспертизы от 14 декабря 2002 года, 17 января 2003 года, 4 декабря 2003 года и 5 декабря 2004 года. Ни в одном из них не указаны другие телесные повреждения.

Следовательно, не имеется достаточных оснований полагать, что должностные лица отделения полиции превысили свои полномочия или подталкивали потерпевшего к совершению самоубийства.

В имеющихся медицинских документах не указано, имелись ли у потерпевшего телесные повреждения при поступлении в больницу».

Б. Гражданское судопроизводство

39. Заявительница инициировала гражданское судопроизводство, требуя 1 500 000 рублей в качестве компенсации за незаконное задержание и содержание под стражей ее скончавшегося мужа в отделении полиции и его последующую смерть после жестокого обращения в отделении полиции.

40. Постановлением от 5 декабря 2008 года Ново-Савиновский районный суд г. Казани присудил ей выплату 250 000 рублей (эквивалент 7 066 евро по состоянию на момент рассматриваемых событий) Федеральным Министерством финансов. Рассматривая процессуальную историю доследственной проверки и уголовного расследования, суд постановил следующее:

«Суд установил, что тело Хайруллина было обнаружено в отделении полиции после того, как он был доставлен туда для допроса в качестве свидетеля, и он был незаконно помещен в кабинет для допросов отделения полиции. Вышесказанное было подтверждено следственным органом. Как было отмечено в решении от 13 сентября 2002 года, неустановленные должностные лица отделения полиции совершали действия с превышением своих полномочий, поместив Хайруллина в кабинет для допросов.

В тот же день Хайруллин попытался совершить самоубийство посредством повешения в следственном кабинете.

Несмотря на указанное заключение, в соответствии с постановлением от 10 декабря 2002 года об отмене отказа в уголовном преследовании, было отмечено, что потерпевший был обнаружен на балконе на пятом этаже. Ни одно из вышеупомянутых решений не содержит объяснений такого изменения обстоятельств, в которых был обнаружен потерпевший... В то же время, в отказе в уголовном преследовании от 10 декабря 2003 года явно указано, в качестве установленного факта, что Хайруллин попытался совершить самоубийство на балконе пятого этажа...

Из имеющихся материалов следует, что уголовное дело было возбуждено в соответствии со статьей 286 Уголовного кодекса в отношении неустановленных должностных лиц; указанная юридическая классификация не изменялась с 2002 года; следствие все еще длится.

Так как следствие еще не завершено, настоящий суд, рассматривающий гражданский иск как есть, не обладает компетенцией для рассмотрения вопроса о правильности юридической классификации или наличии состава преступления. Тем не менее настоящий суд заключает, что вред здоровью Хайруллина был причинен в помещениях отделения полиции.

Указанный вывод основан на фактах, установленных в рамках настоящего дела, независимо от выводов прокуратуры в отношении места обнаружения тела; обстоятельства его присутствия в отделении полиции (то, что он был доставлен в отделение полиции для допроса в качестве свидетеля) остаются без изменений...

Следовательно, суд заключает, что 13 сентября 2002 года, в отделении полиции Хайруллина были нанесены телесные повреждения, которые привели к его смерти...

Суд считает, что тяжкие последствия (смерть Хайруллина) имели место в результате незаконных действий со стороны государственных должностных лиц в отделении полиции...

Как было указано Европейским Судом в постановлении от 7 декабря 2006 года по делу «Шейдаев против России» (*Sheydayev v. Russia*) (жалоба № 65859/01), государственные органы власти несут ответственность за обеспечение физической неприкосновенности лиц, заключенных под стражу. Если лицо было заключено под стражу в удовлетворительном состоянии здоровья, и имело телесные повреждения при освобождении, государственные органы власти должны представить правдоподобные объяснения в отношении таких телесных повреждений...

Суд принимает довод истца о том, что вред здоровью был вызван незаконными действиями государственных должностных лиц в отделении полиции... Следовательно, суд считает надлежащим удовлетворить иск в части, относящейся к моральному ущербу...

Вопросы о незаконном задержании и неэффективном расследовании не могут являться основанием для компенсации морального вреда... Суд не установил, что одно лишь задержание Хайруллина 13 сентября 2002 года повлекло нарушение нематериальных прав или интересов истца; возможное нарушение может относиться к Хайруллину...

Суд считает, что приостановка и возобновление уголовного расследования являются законными процессуальными действиями, и, следовательно, даже если они имеют место неоднократно, они не приводят к заключению о незаконности действий государственных должностных лиц... Срок давности преступления в соответствии со статьей 286 Уголовного кодекса еще не истек. Суд отклоняет довод истца о том, что моральный вред был причинен посредством неэффективного расследования...».

41. Министерство финансов и заявительница подали апелляцию. Заявительница утверждала, что решение суда первой инстанции в отношении ее права на требование компенсации за задержание Хайруллина противоречило прецедентной практике Суда (см. постановление Европейского Суда по делу «Имакаева против России» (*Imakayeva v. Russia*), жалоба № 7615/02, ЕСПЧ 2006-ХІІІ (выдержки), и постановление Европейского Суда от 10 мая 2007 года по делу «Ахмадова и Садулаева против России» (*Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*), жалоба № 40464/02). Близкие родственники скончавшегося лица имели право подать жалобу в соответствии со статьей 5 Конвенции на лишение такого лица свободы; Суд присуждал близким родственникам справедливую компенсацию морального вреда, понесенного в связи с таким лишением свободы. Более того, близкие родственники имели право подать жалобу в соответствии со статьей 3 Конвенции на основании собственных страданий в связи с событиями, имевшими место в отношении родственника, который умер или пропал без вести в подозрительных обстоятельствах, приводящих к ответственности Государства. Заявительница также возразила, что присуждения 250 000 рублей было явно недостаточно с учетом

выводов суда первой инстанции об ответственности государственных должностных лиц за смерть Хайруллина. В то же время суд не указал достаточных причин для отклонения ее требования денежной компенсации в отношении ее аргумента о неэффективном расследовании смерти ее скончавшегося мужа.

42. 22 января 2009 года Верховный суд Республики Татарстан оставил данное решение без изменений. Апелляционный суд указал следующее:

"При удовлетворении требований в отношении телесных повреждений, понесенных потерпевшим, суд первой инстанции правильно исходил из того, что телесные повреждения были получены в отделении полиции 13 сентября 2002 года, так как материалы дела подтверждали, что государственные должностные лица совершили действия с превышением своих полномочий...

Следовательно, в результате действий государственных должностных лиц истцу были причинены психологические страдания в связи со смертью близкого ей лица...

При отклонении остальной части требований суд первой инстанции правильно исходил из того, что не имелось доказательств того, что истец понесла психологические страдания в связи с неэффективным расследованием... Расследование еще не завершено; в настоящее время судом не вынесено постановление по уголовному делу в отношении должностных лиц отделения полиции. Более того, их действия в отношении задержания потерпевшего ни в коем случае не нарушают нематериальные права или интересы истца».

43. Заявительница получила решение 20 апреля 2009 года.

II. ПРИМЕНИМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ

44. Обзор внутригосударственного законодательства в отношении процедуры доследственной проверки и расследования приведен в постановлении Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункты 99-102.

45. Статья 150 Гражданского кодекса предусматривает, что жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину России от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

46. Ссылаясь на статьи 2, 3, 6 и 13 Конвенции, заявительница жаловалась на то, что ее скончавшийся муж подвергался физическому жестокому обращению в отделении полиции, и что государственные должностные лица несли ответственность за его смерть. Она возразила, что внутригосударственное расследование не являлось эффективным.

47. Указанные жалобы следует рассматривать с точки зрения статьи 2 Конвенции, которая гласит:

Статья 2

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание».

A. Доводы сторон

48. Власти указали, что заявительнице была присуждена компенсация морального вреда, понесенного в результате расследования. По мнению Властей, решение гражданского суда следует толковать в качестве устанавливающего тот факт, что муж заявительницы получил телесные повреждения, повлекшие его смерть, в отделении полиции, и что его смерть имела место по причине незаконных действий неустановленных должностных лиц в отделении полиции. Власти заключили, что заявительница больше не имела права подавать жалобы на предполагаемые нарушения статей 2 или 3 Конвенции.

49. Заявительница возразила, что гражданский суд не признал определенного нарушения в отношении статьи 2 или 3 Конвенции, и не присудил компенсации в отношении такого нарушения. В частности, гражданский суд не заключил, что муж заявительницы подвергался физическому жестокому обращению со стороны должностного лица в отделении полиции и/или иначе был доведен до самоубийства позже тем же вечером, или что расследование вышеупомянутых вопросов являлось неэффективным.

50. Аргумент заявительницы заключался в том, что ее скончавшийся муж подвергался жестокому обращению и получил тяжкие телесные повреждения, которые впоследствии были «скрыты» для инсценирования попытки самоубийства.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

51. Не имеется сомнений в том, что заявительница, жена потерпевшего, имела право подать жалобу в соответствии со статьей 2 Конвенции (в отношении права супруги, см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*) жалоба № 21986/93, пункт 91, ЕСПЧ 2000-VII, и, из последних, постановление Европейского Суда от 31 января 2017 года по делу «Абубакарова и Мидалишова против России» (*Abubakarova and Midalishova v. Russia*), жалобы № 47222/07 и 47223/07, пункты 5 и 39).

52. Власти ссылались на то, что в апреле 2009 года заявительница получила компенсацию в сумме, эквивалентной 7 066 евро по состоянию на момент рассматриваемых событий. Что касается процессуального аспекта статьи 2 Конвенции, отмечено, что гражданские суды явно отклонили аргументы заявительницы в поддержку ее требований денежной компенсации на основании неэффективного расследования. Что касается материального аспекта статьи 2, Суду достаточно отметить, что указанная сумма значительно меньше присужденных Судом в аналогичных делах (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 30 марта 2017 года по делу «Нагметов против России» (*Nagmetov v. Russia*), жалоба № 35589/08, пункт 92; постановление Европейского Суда от 14 февраля 2017 года по делу «Маслова против России» (*Maslova v. Russia*), жалоба № 15980/12, пункты 61-62 и 106; постановление Европейского Суда от 22 декабря 2015 года по делу «Лыкова против России» (*Lykova v. Russia*), жалоба № 68736/11, пункт 135; постановление Европейского Суда от 28 октября 2010 года по делу «Рудаков против России» (*Rudakov v. Russia*), жалоба № 43239/04, пункты 71-73; и постановление Европейского Суда от 15 января 2015 года по делу «Зеленин против России» (*Zelenin v. Russia*), жалоба № 21120/07, пункт 79; см. также пункт 114 ниже). Принимая во внимание выводы Суда, приведенные ниже, о том, что расследование обстоятельств, которые привели к смерти потерпевшего, являлось неэффективным, и присужденная компенсация являлась недостаточной, заявительница имела и имеет право подавать жалобы на нарушение материального аспекта статьи 2 Конвенции (см. постановление по делу Нагметова, пункт 89, с дальнейшими ссылками). Следовательно, возражение Властей должно быть отклонено.

53. Европейский Суд отмечает, что эта часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что она не

является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(А) Статья 2 Конвенции в процессуальном аспекте

54. Обязательство по проведению эффективного расследования утверждений в отношении обращения, приводящего к нарушению статей 2 и 3, со стороны представителей Государства, надлежащим образом установлено в прецедентной практике Суда (см., в качестве последнего примера, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Армани Да Сильва против Соединенного Королевства» (*Armani Da Silva v. the United Kingdom*), жалоба № 5878/08, пункты 229-39, ЕСПЧ 2016; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против бывшей Югославской Республики Македония» (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 39630/09, пункты 182-85, ЕСПЧ 2012; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мокану и другие против Румынии» (*Mocanu and Others v. Romania*), жалоба № 10865/09 и 2 других жалобы, пункты 316-26, ЕСПЧ 2014 (выдержки)).

55. Характер и степень рассмотрения, необходимые для удовлетворения минимальной степени эффективности расследования, зависят от обстоятельств дела, и должны оцениваться на основании всех соответствующих фактов и с учетом практических особенностей работы следствия (см. постановление по делу Армани Да Сильва, упомянутое выше, п. 234). В случае, когда подозрительная смерть имела место от рук представителя Государства, внутригосударственные органы власти должны особенно тщательно провести соответствующее расследование (там же).

56. Суд отмечает, что покойный муж заявительницы скончался после заключения под стражу в отделении полиции. Заявительница утверждала, что он подвергался жестокому обращению в отделении полиции, в частности, посредством удушения с помощью противогАЗа. Ее утверждения в отношении последующих событий представляются состоящими из двух частей: одно или несколько должностных лиц несут ответственность за смерть ее покойного мужа или жестокое обращение, и/или какие-то иные действия со стороны должностного лица (лиц) довели потерпевшего до самоубийства. По мнению Суда, контекст настоящего дела и утверждения заявительницы указывают на «спорную» жалобу и, следовательно, необходимо провести расследование для соблюдения процессуального обязательства, возникающего в соответствии со статьей 2 Конвенции.

57. Суд также отмечает, что в неустановленный день (предположительно, вскоре после рассматриваемых событий) было

начата доследственная проверка в отношении событий 13 сентября 2002 года. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено помощником местного прокурора 21 сентября 2002 года. Суд считает важным, что полномасштабное уголовное расследование было начато только в феврале 2003 года, почти через пять месяцев после рассматриваемых событий. Повторяя свою позицию в отношении процедуры доследственной проверки в соответствии с российским уголовно-процессуальным правом, действовавшим по состоянию на момент рассматриваемых событий, как указано в постановлении Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*) (жалоба № 46956/09, пункты 129-40), Суд считает, что тяжкий вред здоровью, нанесенный при нахождении в помещениях отделения полиции, и тем более подозрительная смерть после такого заключения под стражу в отделении полиции, явно требуют уголовного расследования (см., аналогичное заключение в постановлении Европейского Суда от 18 июня 2015 года по делу «Фанзиева против России» (*Fanziyeva v. Russia*), жалоба № 41675/08, пункт 53), начатого безотлагательно.

58. Хотя, по-видимому, доследственная проверка была прекращена посредством вынесения местной прокуратурой (в независимости которой у Суда нет оснований сомневаться) отказа в уголовном преследовании, Суд не располагает информацией о том, кто именно осуществлял действия в рамках проверки, и являлись ли такие должностные лица беспристрастными и независимыми от предполагаемых преступников и ведомства, в котором они проходили службу (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахай и другие против Нидерландов» (*Ramsahai and Others v. the Netherlands*), жалоба № 52391/99, пункт 325, ЕСПЧ 2007-II; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Огюр против Турции» (*Oğur v. Turkey*), жалоба № 21594/93, пункты 91 и 92, ЕСПЧ 1999-III; см. также постановление Европейского Суда от 17 января 2012 года по делу «А.А. против России» (*A.A. v. Russia*), жалоба № 49097/08, пункт 94,, и постановление Европейского Суда от 30 мая 2013 года по делу «Давитидзе против России» (*Davitidze v. Russia*), жалоба № 8810/05, пункт 107).

59. Более того, отмечено, что после начала уголовного расследования в феврале 2003 года оно было передано следователю Р., расследующему дело об убийстве Г. Указанное решение не способствовало обеспечению эффективности расследования обстоятельств смерти Хайруллина, учитывая то, что именно Р. допрашивал его в день трагических событий 13 сентября 2002 года, и с учетом процессуального статуса В. в деле об убийстве и его первоначальных показаний в отношении возможного жестокого обращения с Хайруллиным (см. п. 9 выше; см. также постановление

Европейского Суда от 26 января 2006 года по делу «Михеев против России» (*Mikheyev v. Russia*), жалоба № 77617/01, пункты 115-16, и постановление Европейского Суда от 16 июля 2015 года по делу «Алексей Борисов против России» (*Aleksey Borisov v. Russia*), жалоба № 12008/06, пункт 59).

60. Суд также отмечает, что несмотря на то, что удаление потерпевшего с возможного места преступления являлось необходимым для оказания ему медицинской помощи, нет указаний на то, что был проведен осмотр места преступления или аналогичные действия. Ничто не указывает на то, что после его поступления в больницу в бессознательном состоянии был проведен его немедленный и надлежащий осмотр с целью определения обстоятельств причинения тяжкого вреда его здоровью при нахождении в отделении полиции.

61. Ничто не указывает на то, что после его срочного поступления в больницу потерпевший был незамедлительно подвергнут процедуре, которая могла привести к соответствующему документальному фиксированию его телесных повреждений (см. заключения следователя в пункте 38 выше). Неясно, провели ли медицинские работники, которые посещали потерпевшего в отделении полиции, надлежащий осмотр потерпевшего, кроме осмотра головы и шеи, очевидно продиктованного соответствующими обстоятельствами (см. п. 21 выше).

62. По-видимому, на первоначальных этапах проверки и в ходе последующего уголовного расследования следственные органы ограничились оценкой медицинских свидетельств об отсутствии видимых телесных повреждений, которые могли быть отмечены врачами, включая медицинских работников, задача которых очевидно заключалась не в проведении судебно-медицинской экспертизы, а в оказании срочной медицинской помощи. Тот факт, что муж заявительницы скончался через три месяца после рассматриваемых событий, не объясняет отсутствие заключения судебно-медицинской экспертизы за предшествующий период.

63. Ни заключения экспертов, ни внутригосударственные решения не включают надлежащую оценку следов на шее потерпевшего, в частности, вопроса о том, были ли они нанесены самим потерпевшим или другим лицом. Внутригосударственные решения не включают оценок душевного здоровья потерпевшего и обстоятельств, которые могли привести к совершению им попытки самоубийства.

64. Не имеется указаний на то, что было установлено отсутствие противогазов в отделении полиции, и имелись ли на них генетические следы, которые могли принадлежать потерпевшему, даже несмотря на то, что это являлось обязательной процедурой, принимая во внимание предположение об удушении с помощью противогаза и намеренном перекрытии воздушного потока (см. п. 38 выше). Также отмечено,

что, как было упомянуто в последнем решении о прекращении расследования, не могла быть проведена экспертиза для проверки следов биологического материала на куртке потерпевшего, так как они были утрачены.

65. Что касается выводов, приведенных выше в пункте 57 в отношении первоначального этапа расследования, также отмечена его значительная продолжительность. Хотя Суд считает вполне возможным, что необходимо некоторое время для осуществления дополнительных следственных действий после указаний надзорного органа или в результате соответствующих судебных разбирательств, в настоящем деле Суд отмечает, что такие указания неоднократно не соблюдались, и новые решения о приостановке или прекращении выносились преждевременно, побуждая надзорный орган отменять их и требовать дальнейшего расследования. В данном контексте итоговая продолжительность расследования - с сентября 2002 года по ноябрь 2010 года - имеет место по вине Государства-ответчика и соответствует выводу о том, что внутригосударственные судебные разбирательства не соответствовали требованиям «эффективного» расследования.

66. Суд считает, что дополнительно к вышеупомянутым необоснованным задержкам, внутригосударственные органы власти не приняли обоснованных мер для сохранения основных улик дела. В связи с этим Суд повторяет, что для того, чтобы быть эффективным, расследование должно быть «способным привести к» установлению, и, в зависимости от обстоятельств, к наказанию лиц, несущих за него ответственность (см. постановление по делу Армани Да Сильва, упомянутое выше, пункты 233, 243 и 257). В противном случае представители государства могли бы в некоторых случаях нарушать права лиц, находящихся в их власти, фактически безнаказанно (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 131, ЕСПЧ 2000-IV). Следовательно, утрата важных улик должна была привести к немедленному и тщательному следствию. В обстоятельствах, относящихся к смерти после заключения под стражу в отделении полиции, важно подтвердить или опровергнуть все сомнения в отношении отсутствия недобросовестности со стороны государственных должностных лиц при обращении с уликами. Тем не менее имеющиеся решения не содержат упоминаний или оценки доказательств в отношении обстоятельств утраты важных улик. Суду не было представлено убедительное доказательство того, что российские органы власти приняли достаточные меры для защиты улик в отношении происшествия и расследования утраты улик.

67. Более того, не имеется указания того, что органы власти принимали меры для сбора и оценки других судебно-медицинских

доказательств, например, иных предметов одежды потерпевшего, на которых могли иметься следы крови (см. пункт 30 выше), или другие биологические следы, включая вызванные удушением.

68. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

(б) Материально-правовой аспект статьи 2 Конвенции

69. Утверждения о жестоком обращении, совершаемом в нарушение статьи 3 Конвенции, должны подкрепляться соответствующими доказательствами. При оценке доказательств, на которых следует основывать решение о наличии нарушения статьи 3 Конвенции, надлежит исходить из критерия доказывания «вне разумного сомнения». Такое доказывание может вытекать из совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых фактических презумпций (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Боюид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), жалоба № 23380/09, п. 82, ЕСПЧ 2015-VII). Степень убедительности, необходимая для определенного заключения, и соответствующее распределение бремени доказывания тесно связаны со спецификой фактов, характером предъявленных обвинений и тем правом по Конвенции, с нарушением которого связано дело (см. постановление по делу Эль-Масри, упомянутое выше, п. 151).

70. Если рассматриваемые события находятся полностью или по большей части в исключительном ведении властей, как в случае с лицами, находящимися под стражей под их контролем, возникают обоснованные фактические презумпции в отношении травм, полученных во время такого содержания под стражей (см. постановление по делу Боюид, упомянутое выше, п. 83). Бремя доказывания лежит на органах власти (Властях в Суде), которым надлежит привести достаточное и убедительное объяснение, предоставив устанавливающие факты доказательства, ставящие под сомнение версию, представленную потерпевшим (там же). При отсутствии такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для Властей (там же).

71. Когда лицо помещается под стражу в полиции, имея хорошее состояние здоровья, но, выходя на свободу, имеет телесные повреждения, Государство обязано представить исчерпывающие объяснения, почему у человека возникли такие повреждения, при этом отсутствие таких объяснений приводит к возникновению вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Селмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, пункт 87, ЕСПЧ 1999-V, и, из последних, постановление Большой Палаты Европейского Суда по

делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункт 92, ЕСПЧ 2010).

72. Вышеупомянутое тем более применяется в контексте телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего.

73. Также повторяется, что при разрешении вопроса о возможном нарушении статьи 2 или 3 Конвенции не следует путать ответственность Государства в рамках Конвенции, возникающую в связи с действиями его органов, представителей и служащих, с внутригосударственными правовыми вопросами индивидуальной уголовной ответственности, которые рассматриваются внутригосударственными судами (см. постановление Европейского Суда от 17 декабря 2009 года по делу «Голубева против России» (*Golubeva v. Russia*), жалоба № 1062/03, пункт 98, с дальнейшими ссылками).

74. Так как потерпевший предположительно не приходил в сознание и, следовательно, был не в состоянии представить собственную версию событий, заявительница может излагать исключительно собственные версии событий (см. п. 56 выше) на основании собственного понимания имеющейся информации. В то же время, ничто не указывает на то, что заявителю было отказано в доступе к потерпевшему в ходе пребывания последнего в больнице, или что заявительница не могла запросить документы или не могла сама обеспечить документирование телесных повреждений, имевшихся на теле ее мужа. Так же отмечено, что ее утверждения в отношении предполагаемых пыток В. (в частности, с применением противогАЗа) являлись и остаются необоснованными.

75. Из имеющихся материалов следует, что следственный орган предусматривал версию событий, согласно которой использовался противогАЗ и соответствующее удушение могло представлять собой способ ненадлежащего обращения или возможную причину смерти. Тем не менее имеющиеся медицинские доказательства и показания были истолкованы в качестве предположения о том, что тело потерпевшего не имело видимых повреждений, указывающих на ненадлежащее обращение. Основной версией событий, представленной органами власти в ходе расследования, являлась попытка самоубийства, приведшая к смерти потерпевшего.

76. Суд не удовлетворен объяснениями внутригосударственных органов власти в отношении версии событий, предполагающей попытку самоубийства, или в отношении версии, исключаящей ответственность государственных должностных лиц.

77. Имеющиеся материалы дела не указывают на то, что потерпевший страдал от какого-либо заболевания или душевного расстройства, или что у него отмечались случаи нарушения психического состояния когда-либо ранее, в ходе или непосредственно

после допросов в отделении полиции в соответствующую дату. Фактически, такой довод даже не обсуждался в ходе внутригосударственных процедур.

78. В то же время, следует отметить, что не имелось законного основания для доставления потерпевшего в отделение полиции и заключения под стражу (см. п. 99 ниже). Важно, что не было предоставлено достаточных доказательств того, что потерпевший мог свободно покинуть отделение полиции после 20:00 (см. п. 95 ниже). Из определенных показаний следует, что потерпевший был заперт в камере или в кабинете для допросов.

79. Несмотря на то, что принятие необходимых мер безопасности находится в компетенции внутригосударственных органов власти, по-видимому, вход в отделение полиции подлежал применению определенных требований и велся журнал посещений. Власти не представили информации в отношении практических действий и мер безопасности в отношении выхода посетителя из помещений отделения полиции. Не предоставлено объяснений в отношении того, почему немедленно после допроса следователем, который расследовал дело об убийстве, Хайруллин был допрошен повторно, на этот раз оперуполномоченным, и в ходе повторного допроса изменил показания и обвинил В. (см. п. 8 выше). Более того, как указано в последнем решении о прекращении расследования, некоторые другие полицейские также «беседовали» с Хайруллиным в тот же день (см. п. 38 выше).

80. Также является неожиданным то, что после завершения допроса приблизительно в 20:00 Хайруллин принял решение, и фактически имел возможность остаться и передвигаться по отделению полиции, и, что удивительно, мог находиться на балконе, без помех или вопросов, до того времени, когда он был обнаружен, будь то балкон на пятом этаже, в камере или в кабинете для допросов. Обычная процедура требовала бы, чтобы посетитель, и, тем более лицо, доставленное в отделение полиции, было сопровождено в контрольную точку и обратно до входа в отделение полиции.

81. Не было указано, почему В. существенным образом изменил показания, которые он дал в ходе доследственной проверки и затем в ходе уголовного расследования (см. п.п. 9 и 38 выше).

82. Ничто не указывает на то, что после его срочного поступления в больницу заявитель незамедлительно был подвергнут процедуре, которая могла привести к соответствующему документированию его телесных повреждений (см. заключения следователя в п. 38 выше). Неясно, провели ли медицинские работники, которые посещали потерпевшего ранее в отделении полиции, надлежащий осмотр потерпевшего, кроме осмотра головы и шеи, очевидно

продиктованного соответствующими обстоятельствами (см. п. 21 выше).

83. Наконец, Суд отметил выводы гражданского суда в отношении незаконных действий неустановленных должностных лиц в связи со смертью потерпевшего.

84. Суд отмечает, что имеются незначительные доказательства жестокого обращения со стороны государственных должностных лиц. Тем не менее, независимо от указанных недостатков, остается вопрос о незаконном заключении мужа заявительницы под стражу в отделении полиции вечером 13 сентября 2002 года (см. п.п. 95-99 ниже), и о том, что он скончался в результате телесных повреждений, полученных в указанный период, в отношении которых не было предоставлено убедительных объяснений.

85. Принимая во внимание вышеупомянутые соображения в целом, Суд заключает, что имелись существенные элементы, подразумевающие ответственность Государства в соответствии с материальным аспектом статьи 2 Конвенции в настоящем деле; следовательно, имело место нарушение указанной статьи в данном отношении.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

86. Заявительница жаловалась, что ее покойный муж был незаконно доставлен в отделение полиции и содержался там, и что ее требования компенсации в связи с вышеупомянутой жалобой были отклонены.

87. Заявительница ссылалась на п.п. 1 и 5 статьи 5 Конвенции, которые гласят следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;...

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

А. Доводы сторон

88. В своих замечаниях в отношении статей 2 и 3 Конвенции, Власти указали, что муж заявительницы был незаконно лишен свободы. Тем не менее заявительница не имела права предъявлять требования и права на получение компенсации в данном отношении, так как, в соответствии со статьей 150 Гражданского кодекса, жизнь, здоровье, достоинство и личная неприкосновенность лица являлись неотъемлемыми и не подлежащими передаче ценностями. Собственные права или свободы заявительницы не были нарушены в результате лишения свободы ее покойного мужа. Более того, как Власти указали в своих замечаниях в 2010 году, следствие еще не было завершено по состоянию на 2008 год, и следовательно, жалоба в Суд являлась преждевременной.

89. Заявительница настаивала на своих жалобах.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

90. Суд отмечает, что Хайруллин был обнаружен без сознания в помещениях отделения полиции во время или после незаконного лишения свободы, как указала заявительница. Он скончался три месяца спустя, предположительно, не приходя в сознание. Заявительница добивалась проведения расследования по уголовному делу с целью выяснения обстоятельств задержания и смерти ее скончавшегося мужа. Не удовлетворившись результатом внутригосударственных судебных разбирательств и после смерти потерпевшего, заявительница подала жалобу в Суд.

91. Если смерть или исчезновение непосредственного потерпевшего в обстоятельствах, приводящих к ответственности Государства, предшествует подаче жалобы в Суд, любое другое лицо, тесно связанное с потерпевшим, имеет право подавать такую жалобу, в частности, в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции (см., в качестве последнего примера, постановление Европейского Суда от 22 декабря 2015 года по делу Лыковой, упомянутое выше, пункты 63-66). Что касается статьи 5 Конвенции, права, предусмотренные в ней, относятся к категории прав, не подлежащих передаче (см. решение Европейского Суда по делу «Санлес Санлес против Испании» (*Sanles Sanles v. Spain*), жалоба № 48335/99, ЕСПЧ 2000-XI, и постановление Европейского Суда от 15 апреля 2014 года по делу «Томашевский против Польши» (*Tomaszewscy v. Poland*), жалоба № 8933/05, пункт 77). Однако близкие родственники в исключительных случаях имеют право подавать жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, если такие жалобы связаны с жалобой согласно статье 2 Конвенции в отношении

смерти или исчезновения потерпевшего, подразумевающих ответственность Властей (см. постановление по делу Лыковой, упомянутое выше, п.п. 63-66, с дальнейшими ссылками).

92. Суд отмечает, что обстоятельства настоящей жалобы очень похожи на обстоятельства, рассмотренные в упоминавшемся выше деле Лыковой. Суд приходит к выводу, что заявитель имеет право подачи жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Суд также считает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Никаких иных оснований для признания жалобы неприемлемой установлено не было. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

93. Что касается жалобы в соответствии с пунктом 5 статьи 5 Конвенции, Суд считает, что ее приемлемость тесно связана с существом жалобы согласно пунктам 1 и 5 статьи 5. Таким образом, этот вопрос должен быть присоединен к существу жалобы.

2. Существо жалобы

(А) Пункт 1 статьи 5 Конвенции

94. Обе стороны согласны с тем, что покойный муж заявительницы был «лишен свободы» 13 сентября 2002 года. Имеются достаточные доказательства, демонстрирующие, что он в самом деле находился под исключительным контролем органов власти в день рассматриваемых событий; он не был волен уйти, в частности по причине проводимых следственных действий (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 23 февраля 2012 года по делу «Креанга против Румынии» (*Creangă v. Romania*), жалоба № 29226/03, пункт 90).

95. С учетом вышесказанного, Власти обязаны предоставить, с отсылкой к удовлетворительным и убедительным письменным доказательствам, почасовой отчет о событиях в соответствующих помещениях и учет времени, проведенного там Хайруллиным 13 сентября 2002 года (см. постановление по делу Креанга, упомянутое выше, пункт 90, и постановление Европейского Суда от 11 октября 2016 года по делу «Каспаров против России» (*Kasparov v. Russia*), жалоба № 53659/07, пункт 35). Это не было осуществлено в рамках настоящего дела. Внутригосударственные органы власти не установили, с подкреплением документальными доказательствами, фактические и юридические обстоятельства доставки потерпевшего в отделение полиции, его заключения под стражу и последующего освобождения, если он в самом деле был освобожден (см. п.п. 13 и 22 выше). За исключением показаний полицейского Х., не имеется доказательств того, что Хайруллин был волен покинуть отделение полиции около 20:00.

96. В таких обстоятельствах Суд считает, что Хайруллин оставался лишенным свободы в течение всего вечера 13 сентября 2002 года (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 28 октября 2010 года по делу «Борис Попов против России» (*Boris Popov v. Russia*), жалоба № 23284/04, пункт 75).

97. Ничто в материалах дела, включая решения внутригосударственных судов по делу о компенсации и замечания Властей в Суде, не содержит пояснений по вопросу о законном основании в соответствии с российским законодательством для доставки потерпевшего в отделение полиции, предполагая, что соответствующее действие в самом деле было связано с его допросом в качестве свидетеля в ходе уголовного расследования (см. п. 38 выше).

98. В частности, согласно упоминанию в ходе внутригосударственных судебных разбирательств (см. п. 8 выше) о том, что покойный муж заявительницы был доставлен в отделение полиции с целью установления его личности, остается неизвестным, какое определенное «обязательство, предписанное законом» он не выполнил, чтобы быть подвергнутым лишению свободы в значении подпункта (b) пункта 1 статьи 5 (см. постановление по делу Лыковой, упомянутое выше, пункт 81, и постановление Европейского Суда от 31 января 2017 года по делу «Рожков против России (№ 2)» (*Rozhkov v. Russia (no. 2)*), жалоба № 38898/04, пункты 89-97).

99. Ввиду вышеизложенного, Суд заключает, что Хайруллин был лишен свободы в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(b) Пункт 5 статьи 5 Конвенции

100. Суд напоминает, что условия пункта 5 статьи 5 Конвенции применяются в случаях, когда есть возможность обратиться с требованием о компенсации в отношении лишения свободы, осуществляемого в условиях, противоречащих пунктам 1, 2, 3 или 4 (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии» (*Stanev v. Bulgaria*), жалоба № 36760/06, пункт 182, ЕСПЧ 2012). Обычно такая возможность доступна прямому потерпевшему в результате предполагаемого нарушения, а именно, лицу, которое было лишено свободы.

101. Что касается права заявительницы в соответствии с пунктом 5 статьи 5 Конвенции на требование компенсации морального вреда, понесенного в связи с лишением свободы ее покойного мужа, Суд признает, что данный вопрос связан, но не возникает в обязательном порядке в результате вышеупомянутых соображений согласно пункту 1 статьи 5 (см. п.п. 90-92 выше).

102. Тем не менее Суд повторяет, что основанием для разрешения другому лицу подать в Суд жалобу в отношении вопросов предполагаемого произвола или незаконности по причине лишения

свободы скончавшегося лица связано с определенным контекстом потенциального тяжкого превышения полномочий государственными должностными лицами. В такой ситуации Конвенция стремится предотвратить фактически безнаказанное нарушение представителями Государства прав лиц, находящихся под их контролем (см. постановление по делу Лабита, упомянутое выше, п. 131). Внутригосударственное законодательство может предусматривать множество процедур для достижения такой цели, состоящей в привлечении к ответственности государственных должностных лиц, а именно, уголовные процедуры, дисциплинарные процедуры, гражданское судопроизводство с целью получения компенсации морального и/или материального ущерба, или их комбинацию.

103. Посредством сравнения, Суд повторяет, что обычно члены семьи или родственники скончавшегося потерпевшего имеют возможность подать жалобу в соответствии со статьей 13 Конвенции в совокупности со статьей 2 на предполагаемую недоступность средства правовой защиты, позволяющего получить денежную компенсацию (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Онерилдиз против Турции» (*Öneryıldız v. Turkey*), жалоба № 48939/99, пункт 148, ЕСПЧ 2004-XII, и постановление Европейского Суда от 12 января 2017 года по делу «Сарбянова-Пашалииска и Пашалииска против Болгарии» (*Sarbyanova-Pashaliyska and Pashaliyska v. Bulgaria*), жалоба № 3524/14, пункт 52); они также имеют право добиваться справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции морального вреда по причине нарушения статьи 2 (см. постановление по делу Нагметова, упомянутое выше, п. 92).

104. В частности, что касается статьи 5 Конвенции, Суд отмечает, что в определенных делах, например, в делах против России в связи с предполагаемыми похищениями или подозрительными исчезновениями родственников заявителей на Северном Кавказе (в обстоятельствах, приводящих к ответственности Государства в соответствии с Конвенцией), Суд устанавливал нарушения статьи 5 Конвенции, в частности, ее пункта 1, и присуждал компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции близким родственникам потерпевших, ссылаясь на установление нарушения в отношении потерпевшего в соответствии со статьей 2 Конвенции, а также в соответствии со статьей 5 (см., например, постановление Европейского Суда от 8 декабря 2015 года по делу «Дудаева против России» (*Dudayeva v. Russia*), жалоба № 67437/09, пункты 104 и 116; постановление Европейского Суда от 30 апреля 2015 года по делу «Исламова против России» (*Islamova v. Russia*), жалоба № 5713/11, пункты 72 и 83, ; и постановление Европейского Суда от 23 апреля 2015 года по делу «Хава Азиева и другие против России» (*Khava Aziyeva and Others v. Russia*), жалоба № 30237/10, пункты 106 и 121; см.

также постановление Европейского Суда от 14 ноября 2000 года по делу «Таш против Турции» (*Taş v. Turkey*), жалоба № 24396/94, пункт 102).

105. В нескольких ранее рассмотренных делах Суд принимал тот факт, что лицо, которое не являлось непосредственным потерпевшим в результате предполагаемого нарушения статьи 5 Конвенции, могло иметь право на подачу жалобы в соответствии с пунктом 5 статьи 5 Конвенции в отношении лишения свободы скончавшегося потерпевшего (см. также, с соответствующими изменениями, постановление по делу *Таш*, упомянутое выше, п. 86; постановление Европейского Суда от 11 апреля 2006 года по делу «Укар против Турции» (*Uçar v. Turkey*), жалоба № 52392/99, пункты 121-23; и постановление Европейского Суда от 17 марта 2009 года по делу «Хутман и Миус против Бельгии» (*Houtman and Meeus v. Belgium*), жалоба № 22945/07, пункты 29-31 и 51,).

106. По мнению Суда, наличие возможности требования компенсации близкими родственниками имеет место на основании предоставления им права на постановку вопросов о законности лишения свободы скончавшегося потерпевшего, и дополняет возможные средства правовой защиты, которые могут быть доступны на государственном уровне в определенных обстоятельствах смерти после предположительно незаконного или произвольного лишения свободы. Суд напоминает, что право на компенсацию, установленное пунктом 5, предполагает установление внутригосударственным органом власти или Судом нарушения одного из других пунктов статьи 5. Указанное требование соблюдено в настоящем деле (см. п. 99 выше). Следовательно, Суд заключает, что заявительница имела и все еще имеет право подать в Суд жалобу в соответствии с пунктом 5 статьи 5 Конвенции на отсутствие компенсации в отношении нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции. Также отмечено, что гражданский суд явным образом отказал в рассмотрении требований заявительницы о компенсации в отношении произвольной доставки ее мужа в отделение полиции и заключения под стражу.

107. Принимая во внимание вышеизложенные выводы и определенный контекст настоящего дела, Суд признает жалобу заявительницы в соответствии с пунктом 5 статьи 5 приемлемой, в частности в отношении ее совместимости *ratione personae*, и заключает, что имело место нарушение указанной статьи.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

108. Заявительница жаловалась на дополнительное отдельное нарушение статьи 3 Конвенции в отношении ее собственных

страданий, имевших место в результате неустановления органами власти обстоятельств смерти ее мужа. Кроме вопроса о праве заявительницы (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 6 ноября 2008 года по делу «Хаджиалиев и другие против России» (*Khadzhaliyev and Others v. Russia*), жалоба № 3013/04, п. 120 и далее, с дальнейшими ссылками) и принимая во внимание выводы Суда в соответствии со статьями 2 и 5 Конвенции, необходимо отдельно рассмотреть приемлемость и существо настоящей жалобы.

109. Сторонам было предложено представить замечания по вопросу о том, несли ли и соблюдали ли государственные органы власти, в обстоятельствах дела, так называемое позитивное обязательство в соответствии со статьей 2 Конвенции по защите жизни, в частности, посредством принятия мер для предотвращения самоубийства (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 1 декабря 2016 года по делу «Трапезникова и другие против России» (*Trapeznikova and Others v. Russia*), жалоба № 45115/09, пункты 38-42, и постановление по делу Фанзиевой, упомянутое выше, пункты 55-60). Однако, отмечая отсутствие конкретных замечаний по данному вопросу со стороны Властей, и, что еще важнее, со стороны представителя заявительницы, и принимая во внимание другие выводы Суда в соответствии со статьей 2 Конвенции, нет необходимости переходить к рассмотрению вопроса приемлемости и существования данной жалобы.

110. Наконец, Суд рассмотрел остальные жалобы в отношении задержания и предполагаемого жестокого обращения с В., поданные заявителем. Из этого следует, что эти жалобы несовместимы *ratione materiae* с положениями Конвенции в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 и должны быть отклонены в соответствии с пунктом 4 статьи 35.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

111. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

112. Заявительница потребовала 50 000 евро в качестве компенсации морального ущерба, понесенного в отношении нарушений статей 2 и 3 Конвенции, и 3 000 евро в качестве

компенсации утраченного дохода, который мог быть получен ее мужем.

113. Власти оспорили данные требования.

114. Принимая во внимание характер установленных нарушений материального и процессуального аспектов статьи 2 Конвенции принимая во внимание компенсацию, уже выплаченную на внутригосударственном уровне, Суд присуждает заявителю 43 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма. Суд также присуждает 3 000 евро в качестве возмещения материального ущерба, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чакичи против Турции» (*Çakıcı v. Turkey*), жалоба № 23657/94, пункт 127, ЕСПЧ 1999-IV, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*), жалобы № (жалобы № 43577/98 и 43579/98, пункт 172, ECHR 2005--VII).

Б. Расходы и издержки

115. Заявительница также требовала выплаты 2 250 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных ею во время внутригосударственных судебных разбирательств, и 2 400 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных во время рассмотрения жалобы в Европейском Суде.

116. Власти оспорили данные требования.

117. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявительница имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и указанные выше критерии Европейский Суд считает целесообразным присудить в настоящем деле сумму в размере 2 000 евро в качестве возмещения всех судебных расходов и издержек плюс любые налоги, которыми эта сумма может облагаться.

В. Проценты за просрочку платежа

118. Европейский Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО,

1. *приобщил к существу дела* доводы Властей относительно статуса заявительницы согласно пункту 5 статьи 5 Конвенции и *отклонил* их;
2. *признал* жалобы в соответствии со статьями 2 и 5 приемлемыми, а остальную часть жалоб – неприемлемой;
3. *постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции с точки зрения ее материального аспекта;
4. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте;
5. *постановил*, что не имеется необходимости в отдельном рассмотрении жалобы заявительницы о нарушении требований статей 2 и 3 Конвенции;
6. *постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
7. *постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции;
8. *постановил*
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 43 000 (сорок три тысячи) евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма;
 - (ii) 3000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации материального ущерба, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма;
 - (ii) 2 000 (две тысячи) евро в качестве возмещения расходов и издержек, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной

учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;

9. *отклонил* остальные требования заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление в письменной форме направлено 19 декабря 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Хелена Йедерблом
Председатель